

Клубные встречи

Заслуженный артист Саша Ленков. Я думаю, что и через десять и более лет его невозможно будет называть иначе, нежели Саша! Он заставляет людей улыбаться. В жизни России, при возвращении ее в нормальное русло, будущее будет принадлежать героям Ленкова — мечтателям-гуманитариям, дай им только претворить их мечты в действительность, не давая на их души хамством и алчностью.

Александр ЛЕНКОВ:

«Женские перчатки на ногах мне мучительно жали...»

— Сколько вам лет, Саша?

— Пятьдесят второй год.

— Вы очень молодо выглядите, поздравляю. У меня создалось впечатление, что вы начали играть на театре, как только сделали первый шаг во младенчестве.

— Мы сидим сейчас в помещении ДК МЭЛЗа, которое принадлежало Театру им. Моссовета до того, как он переехал на площадь Маяковского. Я имею в виду его бытность московскую, после Ростова, Алма-Аты и шатания по различным городам и весям. Сюда я действительно пришел играть мальчиком в спектакле «Студент третьего курса». Юрий Александрович Завадский отобрал меня после громкого конкурса: привели целый выводок ребят — учеников четвертого класса. Меня почему-то взяли, никакого особого дара я не проявлял, в самостоятельности не участвовал. Может быть, за мою неказистость, как говорят, «не товарный вид», ведь у меня была роль сына уборщицы. В следующем спектакле, правда, я играл сына миллионера.

— Разносторонность у вас сразу пошла?

— Ну не совсем разносторонность. Может быть, мне моим мальчишеским умом при соответствующих подсказках режиссера нужно было сообразить, что этот мальчик вот такой, а этот не может этого. Вы меня просили рассказать какую-нибудь байку театральную, вот я с ходу вспоминаю такой случай: я играл сына миллионера в спектакле «Кража» по пьесе Джона Лондона, мать мою играла Вера Петровна Марецкая. Можно себе представить то время — годы были не такие благостные — и костюмы. Ну что-то придумывали, шили, но нигде не могли достать белые мальчишеские гольфы для сына миллионера. Мне надевали женские длинные перчатки, а пальчики подворачивали, чтобы не отрезать и не портить перчатки. Вероятно, какая-нибудь актриса их использовала в другом спектакле по назначению. Все было нормально, но я рос, не сильно, но рос. Мне стали очень жать ноги эти перчатки. Это было очень мучительно, но я — сын миллионера. Стыдно было признаться, что мне больно, и попросить отрезать эти пальчики. Но они сами, на-

верное, поняли, потому что у меня очень краснели ноги. Вот так. Смешная, очень театральная история! Сын миллионера в советском прочтении.

— После дебюта у Завадского само собой разумелось, что вы станете актером?

— Я не хотел быть актером. Я из простой семьи, папа — инженер, не элитный, не богемный. Мама закончила педагогический институт. Папа долго работал в «ящичном» заведении, по ракетостроению, по топливу. Я понимал, что это что-то интересное. Но и это ни в коей мере не волновало меня.

— А позже вы играли физиков.

— Может быть, это и сказалось. Помню, когда я играл учителя физики в фильме «Расписание на послезавтра», то у меня шпаргалка была написана, как у какого-нибудь двоечника, на руке, когда нужно было бойко писать какую-то там длинную формулу, а в классе сидели настоящие ученики элитной школы. Это опять такая баечная история... Когда наступила пора выбирать, куда пойти учиться, я думал идти на операторский во ВГИК или в архитектурный. Я отдыхал в Крыму, и вдруг приходит письмо от папы: «Саша! Никуда ты не поступишь, ни на какой операторский, тем более в архитектурный. В студию Театра им. Моссовета объявлен набор. Попробуй туда». И вырезка из газеты.

— Все-таки папа направил в театр?

— Да. Я поехал и поступил. Могу сказать: без всякого блата. И довольно легко, потому что опыт выступлений на сцене не сказывался.

— Большой конкурс был?

— Не помню. Мне было абсолютно безразлично. Я не был влюблен в театр. Родители велели, вот и поступил.

— Вы что же, не верите в свое актерское призвание?

— Я могу показаться пижоним, но скажу: если бы я поступил на операторский, стал бы приличным оператором. А еще я прилично шью. Модельером я, наверное, не стал бы, может быть, портным, но это менее интересно.

— В самом театре, на основной сцене, какая ваша первая роль?

— Наши дипломные работы: «Театр Гарсия Лорки» и «Два вечера в мае», пьеса Гоши Полонского, которые долгое время шли на сцене нашего театра, что бывает довольно редко.

— Вы были довольны?

— «Театр Гарсия Лорки» я считал для меня самым важным, я до сих пор проповедую то, что там понял. Это театр такой дельАртовский, театр гротеска, театр характеров. И сделал этот спектакль Боря Щедрин, выпускник нашей студии. Если я играю сейчас «Пчелку», то это не то что от туда взято, но дух этого спектакля, как я это делаю, от туда.

— И как же после этого вы можете говорить, что у вас не было призвания? С первого шага — успех, такое редкое для молодого актера творческое удовлетворение.

— Я вот часто слышу от других актеров, и меня трогает, когда они говорят, что без актерской профессии они бы и жить не смогли. А я, наоборот,

вполне бы смог. Я и в другой профессии нашел бы что-то, чтобы мы с вами встретились и вы так же вот брали бы у меня интервью. Вы бы спрашивали, например, если бы я стал дворником: как артистично вы метете! У вас какая-то метла особая? Я не пижону, но это было бы так.

— Вы все-таки пижоните, но это прекрасно! Есть множество актеров, некоторых я даже могу назвать гениальными, но они уже состарились, а так и не реализовали своего творческого потенциала. Но вы, как мне кажется, противоположность им, вы — актер, которого смело можно назвать счастливым?

— Ого-го. Я еще, может быть, тем отличаюсь от многих актеров, что каждый раз перед спектаклем — вот уже семь часов, началось, а не угадаешь, люблю я этот спектакль или нет. Это, наверное, и есть — слово какое-то затасканное — «профессионализм»?

— Вот представьте себя на месте такого актера, как Марцевич. Начать свою актерскую карьеру с Гамлета в спектакле Охлопкова, а потом на протяжении многих лет почти ничего не играть на театральной сцене? Как вы на это смотрите?

— Это, наверное, тяжело. Но вот другой вариант: попадают роли, которые я превращаю. Чаше всего из ничего я пытаюсь сделать удобоваримую роль, чтобы люди смотрели и радовались, это ли не тяжело?... Мне нравится репетиционный период, нравятся первые премьерные спектакли, а когда я уже все понял: это удалось, а это не удалось, то тогда охлаждаешь к этой

роли. Невозможно долго носиться и любить какую-то роль. Хотя вот «Пчелка» — я люблю этот спектакль, стыдно даже признаться, что он идет больше пятнадцати лет.

— А вот в кино есть ли такие роли, которыми вы были бы счастливы так же, как и в театре?

— ...Вот видите, какая пауза, это я думаю... Я к кино отношусь очень осторожно. Все, что там бывает у меня, — это дело случая. И в основном недовольство собой.

— Но, простите, вы сами понимаете, что известны только благодаря кинофильмам?

— Конечно, больше видит народу. Популярность какая-то есть.

— Так расскажите что-нибудь кинозрителям.

— Кинозрителям? Хотелось бы не разочаровывать в очередной раз. Хотя вот мы сейчас сидим, здесь будут съемки — телевизионный фильм тире спектакль по нескольким водевилям, и снимает, я даже начну не с фамилии, снимает очень интересная компания, которая называется дивным русским словом «Артель». Когда я приходил на спектакли Эфроса на Таганку, то всегда завидовал не спектаклям, а тому, что эти люди — компания. И вот сейчас здесь тоже компания: всех людей, которые здесь работают, начиная от режиссера Саши Глобина и до технических служб.

— Ваши пристрастия я понял — компания, единомышленники в театре. И вы считаете, что такая компания в театре возможна на долгие годы?

— Нет!

— Я сторонник старого русского обычая: делать не профессиональные театры со штатными труппами, а профессиональные спектакли, всякий раз с определенным составом, которые смогут идти каждый день при непременных аншлагах. Согласны ли вы со мной?

— Одним словом — да! А тремя словами: страшно, что наступит такая пора, когда никто не позовет играть спектакль.

— Ваши спектакли, та же «Пчелка», к примеру, неизменно собирают публику. Как же вы можете сомневаться?

— Но, может быть, я не про себя говорю? Про кого-то из коллег?

— Вот коллег пусть не зовут, это их забота. А сами-то вы выдержите такую нагрузку: один и тот же ежедневный спектакль при условии настоящего, обеспечивающего полностью вас и вашу семью контракта?

— Вы имеете в виду на манер зарубежных актеров?

— Да.

— Но у меня, как это ни странно, выработка в прошлом году была — анекдотическая ситуация — триста с чем-то процентов, и когда распределяли премии, моя не входила ни в какие рамки, уж слишком много получалось. И решили дать мне столько же, сколько и тем, кто выработал двести процентов, мол, и так очень много. Так что и в нынешней ситуации я занят почти каждый день. Из-за этого часто приходится отказываться от съемок. Я привык к этой жизни. Даже ухитряюсь иногда ездить куда-то на концерты, какая-то личная жизнь существует. Я не боюсь ежедневной работы.

В гости ходил Борис НИКОНОВ.